

МАГИЯ **ФЭНТЕЗИ**

Александра ХРИСТОВА

МЕРТВОЕ СОЛНЦЕ

Роман

Москва, 2011
ЭАРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Х93

Серия основана в 2004 году
Выпуск 382

Художник
В. Бабкина

Христова А. А.

Х93   Мертвое солнце: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2011. — 379 с.: ил. — (Магия фэнтези).

ISBN 978-5-9922-1006-4

Вы любите фэнтези? Прекрасные эльфы, могучие гномы, славные силфы... Я тоже любил, до того момента, как сам не попал в подобную сказку. А сказочка-то страшной оказалась: вместо судьбы великого воина, участи легендарного короля или на худой конец скромной должности ученика мага я получил рабский ошейник, звание начинающего гладиатора и хозяйку, вознамерившуюся превратить меня в... кого-то. А тут еще и местные боги решили вмешаться — у них на меня тоже имеются какие-то планы...

Ну и что с того, что у меня выросли крылья, когти, клыки и прочий джентльменский набор вампира? У меня теперь есть новая семья, а значит... прорвемся! Другое дело — цена, которую придется за это заплатить...

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1006-4

© Христова А. А., 2011
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2011

ПРОЛОГ

— Холодно... Небеса великие, как же холодно!

Посреди огромной снежной пустыни на каменном постаменте стояли гигантские Врата, ведущие в никуда. Рядом с ними, кутаясь в драную, слишком большую для него куртку, сидел парнишка лет тринадцати на вид. Темные волосы с белыми прядями были покрыты инеем, как и длинные ресницы, обрамляющие ярко-синие глаза; зубы выстукивали дробь. Посиневшие от холода пальцы сжимали ветхую ткань. Помимо куртки на мальчишке были только легкие туфли, больше похожие на тапки, штаны и тонкая рубашка.

Здесь никогда не сияло солнце и не восходила луна. Только холодные, мертвые звезды сверкали в угольно-черных небесах. Только снег, тьма и холод. Много холода...

Внезапно Врата заскрипели, и одна из массивных створок ненадолго приоткрылась, пропуская невысокую, хрупкую темноволосую девушку в платье из золотистой парчи и наброшенной на плечи светлой шубке. Поднявшийся ветер едва не сдул девушку обратно и вынес в приоткрывшиеся Врата огромный сугроб.

— Закрывай, закрывай быстрее! — Мальчик подскочил и всем своим хилым весом навалился на створку. Душераздирающе закрипев, половинка врат захлопнулась, и ветер тут же успокоился.

— Что тебе надо, Имиалла? — Холодный тон мальчика не оставлял сомнений: девушке здесь не рады. Подросток хмуро взглянул на пожившуюся красавицу и, подобрав слетевшую с плеч куртку, вновь в нее закутался, усаживаясь на прежнее место. — Помнится, последний раз ты навещала меня около тысячи лет назад. В чем дело, неужели соскучилась? Или, —

мальчик прищурился, — как Торрэн, будешь требовать убрать тебе неугодных?..

— Элиан, о чем ты? — Ярко-золотые глаза девушки изумленно расширились, брови горестно сдвинулись. И она, сминая платье и не обращая на это ни малейшего внимания, усеялась рядом с мальчиком, потянулась обнять... Но прежде, чем он успел ответить, раздался жуткий вой, идущий, казалось, со всех сторон.

— А ну, цыц! — гаркнул мальчик. Вой тут же стих, и подросток повернулся к девушке. — Ну как же! — Циничная усмешка жутко смотрелась на пока еще детском лице. — А разве ты не знаешь? Где-то сотни три лет назад ко мне заявился Торрэн. Как всегда, в доспехах, начищенных до блеска, с молотом... Имя, как увидишь его, передай от меня, что он дурак, ладно? Это же надо додуматься: вместо шубы надеть доспехи. Так вот, он начал размахивать перед моим носом своим молотком и требовать — слышишь, требовать! — чтобы я убил какого-то бедолагу, нарушившего обет, данный в его храме...

— И что? — не сдержалась девушка, сочувственно глядя, как ее младший брат растирает руки. Она знала: помощи от нее он не примет.

— Что-что... — буркнул Элиан. — Выставил я его. Пусть он и мой старший брат, но здесь, за Вратами, я гораздо сильнее его. Кстати, у меня к тебе будет просьба...

Девушка вопросительно вскинула брови, не решаясь спрашивать.

— Передай, пожалуйста, Торрэну и Каирри, что, если они и дальше будут науськивать народ против моих жрецов, я очень разозлюсь. Ты знаешь, во что может вылиться мой гнев. А если они не уймут имперцев, то я вообще перекрою каналы и посмотрю, как их последователей, лишившихся магии, будут громить мои избранники.

— Ты не посмеешь!

Девушка вскочила на ноги и уже было открыла рот для гневной речи, но осеклась, наткнувшись на пристальный и немного презрительный взгляд младшего брата. А еще в его синих глазах светилась бесконечная усталость.

— Прости, — пробормотала она, снова усаживаясь на холодный камень. — Я передам.

— Хорошо, — кивнул Элиан и тяжело вздохнул. Как же

он устал. Не мертвый, но и не живой, не нуждающийся ни во сне, ни в еде, он стал вечным стражем Врат, которые когда-то по своей глупости открыл. А еще — он так мечтал согреться...

Имиалла с жалостью рассматривала своего младшего брата. По их вине Эилиана затагнуло за Врата; по их вине младший из пяти богов этого мира вынужден отнимать тепло душ у своих жрецов, чтобы хоть как-то согреться, щедро делясь взамен своей мертвой силой. Это по их вине — каждого из них! — Эилиан навсегда останется таким: не ребенком, но и не взрослым, с запорошенными снегом волосами, покрытыми инеем ресницами и глазами уставшего от жизни старца.

Девушка сняла с себя шубу, тут же непроизвольно пожившись от холода, и накинула ее на плечи брата.

— Зря ты. — Легкая усмешка коснулась губ подростка. — Мне это не поможет.

— Я знаю, — кивнула Имиалла, забирая у брата ветхую куртку. — Но мне больно на тебя глядеть. Я заберу это тряпье с собой. Кстати, откуда оно у тебя?

— Харрэс дал. — И улыбка, детская, светлая, расцвела на губах Эилиана. — Он старается навещать меня не реже, чем раз в десять лет.

— Он что, совсем с ума сошел? — возмутилась девушка. — Или захотел охранять Врата вместе с тобой?

Мальчик покачал головой. Сияние улыбки погасло.

— Нет, — обронил он. — Хар просто помнит, что я его брат.

Девушка не нашла, что на это ответить, и пошла к Вратам. Эилиан, путаясь в слишком длинной для него шубе, встал и последовал за сестрой.

— Прости, — покаянно опустила глаза Имиалла. — В долину опять намело снега...

Подросток только махнул рукой.

— Забудь об этом. В долине и так растет столько сиина, так что еще немного цветов будут просто никем не замечены. Иди давай, а то замерзнешь.

Девушка чмокнула младшего брата в ледяную щеку и потянула на себя створку. Вновь поднявшийся ветер буквально вымел девушку прочь. Эилиан вновь захлопнул Врата и, закутавшись в шубу, снова уселся на постамент, прислонившись к Вратам. Закрыв глаза, он вновь принялся ждать.

Часть первая

НЕТ ПРАВА НА СВОБОДУ

ГЛАВА 1

Жизнь бьет ключом. Тяжелым и по голове.

Автолюбитель

- Пока, Мистик!
- До встречи!
- Всем пока!

Распрощавшись с друзьями, я тряхнул головой, отбросив пряди с глаз, и, подхватив со скамейки набитый учебниками рюкзак, направился домой. По дороге вспомнил, что вчера вместо того, чтобы готовиться к контрольной по физике, всю ночь читал. И, что самое неприятное для меня, ухитрился за ночь прочитать всю книгу. И теперь мне абсолютно нечего делать вечером!

Вот так всегда. Закон мировой подлости в действии. А я только-только настроился на ничегонеделание... В самом деле, не физику же мне учить! Все равно больше тройки, и поставленной-то из чистой жалости, я никогда не получал. Ну не дается мне физика, не дается! Впрочем, и информатика тоже. Зато я хорошо разбираюсь в экономике. По крайней мере, при словах «лизинг» и «холдинг» я не делаю круглые изумленные глаза и не спрашиваю: «Что это?», а от выражения «средство стимулирования сбыта» не падаю в обморок и уж тем более не начинаю глупо хихикать, как многие девчонки, или делать глупое лицо с вытаращенными глазами, как некоторые мои одноклассники.

Я тяжело вздохнул и, заткнув уши наушниками, на секунду задумался, чем бы заняться, раз у меня образовалось огромное количество свободного времени. Но в этот момент

старенький плеер, закрихтев, пару раз моргнул экраном и за- тих. Ну вот...

Вообще-то в моих руках ломается практически любая техника, кроме разве что музыкального центра, да еще ноут-бука, используемого мной исключительно для хранения му-зыки и огромного количества электронных книг. Ну, иногда я еще пасьянс могу разложить — разномастные игрушки всех направлений и жанров для меня просто не представляют ин-тереса. Сколько бы меня ни пытались соблазнить всеми пре-лестями очередной кровавой стрелялки, я упорно не подда-вался. Вот какое может быть удовольствие — гонять по экра-ну некачественно нарисованного человечка и проливать с его помощью реки нарисованной же и почему-то малиновой кро-ви? Правильно, никакого. Только голова начинает болеть.

А вот теперь и плеер сломался. Эх, нет в жизни счастья!

Я начал яростно рыться по карманам, вспоминая, оста-вил ли я заначку в этой куртке, или все деньги тихо-мирно покоятся дома. Неужели я не смогу наскрести на новую книжку? Или придется старые перечитывать? Тоска... Ведь перечитано все, и не по одному разу!

Вот такой уж я ненормальный подросток: вместо того чтобы сутками сидеть за компом или гулять с приятелями, я гораздо охотнее провожу время за книгами. И не такими, как у моей старшей сестренки, нет. Вместо трепетно ненавиди-мых мною бульварных детективов я тоннами поглощаю фан-тастику.

Началось мое увлечение, больше похожее на манию, ко-гда в десять лет мне в руки попал трехтомник «Властелин Колец». О-о-о, при одном воспоминании об этом у меня на-чинают болеть уши, за которые меня оттаскивала от книги мама. Но в неравном бою я все же победил, и книга была осилена мной в рекордные сроки, несмотря на то, что почти половину я тогда просто не понял.

С тех пор я и увлекся фэнтези. А «Властелин Колец» стал моей настольной книгой. Это единственная вещь, которую я готов читать и перечитывать. Но не в третий же раз за непол-ный месяц! Я скоро книги — все три — смогу с любого места начать цитировать!

...В то время как мои одноклассники устраивали бунты,

пили пиво, ругались матом и стриглись налысо, я с упорством, достойным лучшего применения, отращивал длинные волосы, стремясь походить на Леголаса, яростно изучал все подряд иностранные языки (была у меня когда-то мечта: создать свой язык наподобие квенья, придуманного глубокоуважаемым мной Толкиеном. Не судьба... Максимум, чего я смог достичь, — это освоить школьную программу на уровне шестиклассника и устроить грандиозный скандал родителям, чтобы меня записали в школу фехтования.

Мысленно подсчитав свои финансы, я решительно развернулся и направился в книжный магазин, рассудив, что, если не хватит денег, мне спокойно продадут книгу в долг. Да и как иначе, если я крепко дружу со всеми работниками магазина! О да, здесь меня знают все — от продавца Алексея, весьма интересного собеседника, кстати, до грузчика Володи. Немудрено — за последние три года я оставил здесь все деньги, выданные мне родителями на карманные расходы. А это весьма немалая сумма. Благо отец в деньгах меня не ограничивал, зная, что пить и курить я не буду.

Мелодично звякнула подвеска у входа, пропуская меня в прохладное помещение. Стоящий у кассы мужчина обернулся на звук и, заметив меня, широко улыбнулся.

— Привет, Мстислав!

— Привет, Леша!

Разрешите представиться: Король Мстислав Андреевич, семнадцати лет от роду. Высокий (метр восемьдесят три), жилистый парень. (Семь лет занятий фехтованием, к которому впоследствии присоединился исторический клуб. Вот где я намахался мечами и настрелялся из лука!) Одноклассники называют меня симпатичным... Правда, при этом они всегда стараются растрепать мне волосы. А я этого очень не люблю! Я же не выставочная собачка. Вот только попробовал бы я объяснить это девчонкам... Бесполезно. Хотя, казалось бы, уж кто-кто, а девушки должны понимать, сколько сил уходит на то, чтобы привести в порядок длинные волосы.

Да, у меня длинные волосы! Свою темно-русую шевелюру я не стриг уже несколько лет, и теперь она, забранная в косу, достигала пояса. Ох, как я со всем этим добром намаялся в свое время! То забуду расчесать, отчего волосы мгновен-

но превращаются в гнездо какой-то сумасшедшей птицы, то не высушу их перед сном — и тогда спасайся, кто может! Сестра в таких случаях называет меня Медузой Горгоной, и ведь она недалеко от истины. Огромный колтун, с которого свисают длинные пряди, в такие моменты очень напоминает клубок взбесившихся змей. А ведь его еще распутать надо! Меньше, чем два часа, на это никогда не уходило.

Сколько человек уговаривали меня подстричься, я уже и не сосчитаю. Одноклассники дразнили мямлей и девчонкой, учителя неодобрительно косились и постоянно просили родителей отвести меня в парикмахерскую и «привести мальчика в божеский вид». Отец фыркал, а мама только качала головой. А уж сколько было разговоров на тему: «Сын, ты мужчина или кто?», я уже и не припомню!

Тогда на мою сторону неожиданно встала сестра. По-моему, Настя в то время воспринимала меня как большую говорящую куклу, над которой можно безнаказанно проводить парикмахерские эксперименты. Единственное, что я ей запретил — приближаться ко мне с ножницами, а так я покорно терпел все ее издевательства.

Именно Настя в первые месяцы помогала мне управлять с волосами. Правда, при этом она упорно пыталась повязать бант... Такого варварства я вынести не смог, и с тех пор уже пять лет я справляюсь со своей шевелюрой сам.

Конечно, и сейчас не обходится без недоумевающих взглядов. Мол, ты парень или притворяешься? А мне все равно! Мне нравится — и точка! А мнением посторонних людей насчет моей собственной внешности я не интересуюсь.

Нет, есть и те, кого приводит в восторг столь необычная для современного подростка прическа. В частности, парочка знакомых уже неоднократно звала меня на ролевку. Я несколько раз съездил, добросовестно изображая из себя эльфа, поскольку другой роли мне просто не давали, а потом стал вежливо отказываться — оно мне надо? Грязь, сырость, холод, комары... Нет, спасибо, я лучше дома посижу, с книжкой.

Еще я являюсь гордым обладателем светлых, орехово-карих с золотистыми искорками глаз, доставшихся мне от матери. Сестренка завидует: ей, с ее темно-серыми, подобного эффекта не добиться даже при помощи линз.

Прозвище Мистик я получил лет в двенадцать, как только мое увлечение фэнтези стало известно моим знакомым. Оно настолько крепко ко мне пристало, что порой даже учителя называют меня так, не говоря уже о родителях. Единственный, кто упорно зовет меня полным именем, — Алексей. Когда я спросил его, почему, мне было сказано: «Нельзя коверкать такое редкое имя, как у тебя». Странно... Никогда не считал свое имя редким или выдающимся...

— Ты опять за книгами? — ласково поинтересовался Алексей. Ну да, если учесть, что я обеспечиваю ему хорошую выручку, то с его стороны будет крайней глупостью грубить мне.

— Нет, на тебя любоваться пришел, — буркнул я. — Соскучился по твоей физиономии. Конечно, за книгами! Все закончилось. Есть что-нибудь новенькое? Только «Декамерон» больше не подсовывай! — тут же уточнил. — А то в прошлый раз мне крепко досталось.

— А как же! — ехидно ухмыльнулся продавец и нырнул куда-то за прилавок. Вытащил пакет и протянул мне: — Держи!

— Леша! — ужаснулся я, заглянув в протянутую пластиковую авоську и увидев шесть толстенных книг. — У меня же денег не хватит!

— В первый раз, что ли? — хмыкнул Алексей. — Ты бери, потом расплатишься.

— Спасибо большое, — кивнул я и насмешливо поинтересовался: — А что, ты решил подработать библиотекарем? Давно ты мне книги не подбирал.

— Иди ты, — обиделся Алексей. — Я стараюсь, отбираю для него лучшие книги из новой партии, а он недоволен...

— Ладно-ладно! — Я шутливо поднял руки. — Не злись! — И тут мой взгляд упал на часы на правом запястье. Мама дорогая, два часа! Через три часа сестра приезжает, ее дома полгода не было, а в квартире такой бардак, словно орда орков устроила пьяный дебош. А что: родители уехали отмечать юбилей свадьбы, сестра в командировке, и я три недели являлся единоличным собственником пятикомнатной квартиры в тихом районе. Лепота!

Уборкой я себя, как нетрудно догадаться, не утруждал, хорошо хоть, посуду мыл. И теперь мне придется совершить

подвиг и убрать всю квартиру за три... нет, за два с половиной часа!

— Ой, Леша! Забыл! У меня сестра сегодня приезжает!

— Угу... И наверняка дома бардак. Как ты там однажды сказал? Куры не доены...

— Конопля не кошена! Все, я побежал! — Под тихий смех продавца я пулей вылетел из магазина и рысью понесся домой.

Уф-ф! Справился!

Я устало плюхнулся в кресло и оглядел комнату. Чистота! За два часа я ухитрился убрать весь мусор в доме (а что не убрал — под ковер замел), и теперь ничто не мешало мне разобраться с тем, что всучил мне Леша. Нет, я знаю, что дрянь он мне не подсунет — слишком хорошо знает мои вкусы. Но все равно...

Я подхватил пакет со стула в прихожей и поволок его в святая святых нашей квартиры — библиотеку.

На самом деле, это не столько библиотека, сколько помещь комнаты для медитаций, читального зала и периодически спальни для меня. А еще меня здесь крайне редко трогают. Просто все представители нашего славного семейства знают: если Мистик засел в библиотеке — его оттуда калачом не выманишь. Ну, разве что новой книжкой...

Большая комната, оформленная в темных тонах. Две стены от пола до потолка закрывают битком набитые стеллажи из темного дерева. На третьей стене я любовно повесил оружие: парные мечи, презентованные мне лично руководителем клуба как наиболее отличившемуся ученику. Кстати, мечи настоящие и очень острые — правила заточки мастер вбил в меня в первую очередь. А клинки были мне подарены тренером на пятнадцатилетие. Правда, оформлять их пришлось на папу — мне бы просто никто не выдал разрешение на хранение холодного оружия. Еще здесь висит шпага (муляж, зато симпатичный) и несколько ножей и кинжалов (что-то настоящее, что-то нет). У этой же стенки притулился большой музыкальный центр, рядом стоит симпатичный бордовый диванчик и крохотный столик, куда я обычно сгружаю взятые с

собой бутерброды. Окно закрывают тяжелые, длинные, до пола, шторы цвета запекшейся крови. Мрачно? А мне нравится! И личная библиотека (сестра как-то попыталась пристроить здесь свои детективы, так я поднял такую бучу, что она надолго зареклась сюда даже заходить), и тренировочный зал, если мне приспичит размяться, благо на полу не ковер, как в других комнатах, а паркет. Правда, после того как я обрушил несколько стеллажей, — хорошо хоть, не на свою дурную голову! — заниматься здесь предпочитаю без оружия. Как сказал отец — для этого есть клуб.

Стеллажи вмещают в себя не только фэнтези всех калибров. Лет в пятнадцать мне в голову пришла гениальная, как мне казалось, идея: я решил придумать, что бы я делал, если бы оказался на троне. Как сейчас помню круглые глаза сестренки, когда я таскал у нее учебники по экономике за пятый курс. Понимал я в них крайне мало, но с упорством, достойным лучшего применения, продолжал вгрызаться в гранит экономических наук. Отец с матерью посмеивались, наблюдая за моим новым увлечением, но тем не менее не препятствовали. Напротив, папа приволок откуда-то пять битком набитых сумок. Чего в них только не было! И книги с экскурсом в политику наших императоров, и «Экономика для чайников», и даже «Государь» Макиавелли оказался! Золотые у меня родители — действуют по принципу «чем бы дитя ни тешилось»... Очень правильный подход, между прочим! По крайней мере, я никогда, например, не пил украдкой в подъезде пиво. А зачем? Можно попросить у родителей — и спокойно выпить это же самое пиво дома. Правда, при этом терялось все удовольствие от пенного напитка... Правду говорят: «Что разрешено — то неинтересно!» По крайней мере, у меня ни разу не возникло желания напиться в компании.

Вот и тогда, узнав о моей новой «блажи», родители не мешали мне «развлекаться». Мол, дитятко натешится и успокоится. А я никак не успокаивался!

Как у меня от всех этих сальдо, бульдо и прочего тогда голова не лопнула — не понимаю! Ведь я еще и в школе учиться успевал. Правда, оценки были, мягко говоря, плохие. А если говорить начистоту, то меня едва вообще не выгнали за

неуспеваемость. Но в итоге я добился-таки своего! Полгода назад, замирая от страха, выложил перед отцом мой план. Папа — ведущий экономист одной крупной фирмы — бегло просмотрел мое творчество, похмыкал и забрал к себе на работу. Через неделю принес обратно и вечером, когда вся семья собралась за столом, заявил, с гордостью поглядывая на меня:

— Сын, тебе предложено после окончания вуза устроиться к нам в отдел. Так что можешь считать, что работой ты уже обеспечен.

— А что, у Мистика получилось что-то толковое? — хлопнув ресницами, поинтересовалась Настя. Я нахмурился. Сестра никогда не одобряла мои увлечения, считая их глупыми и бесполезными для современной жизни. А я не понимал, что хорошего можно найти в ночных клубах, столь трепетно любимых ею, кроме грохота, ошибочно именуемого музыкой, выпивки и головной боли. «Хорошую компанию!» — обычно отвечает на это сестренка. Ну-ну...

— Еще как! — хмыкнул отец. — Столь подробно распи-санного плана, даже если не смотреть на допущенные ошибки, никак нельзя было ожидать от школьника. Начальство пришло в восторг.

Я надулся от гордости. Знай наших!

Отдельно на стеллажах стояли словари и учебники по иностранным языкам. Английский, немецкий, итальянский, санскрит, японский, латынь... Это, пожалуй, единственные книги, которые я позволил хранить здесь своей сестренке. У нее всегда были огромные успехи в изучении иностранных языков, потому она и работает переводчиком в элитной корпорации, часто уезжая за границу. А я... Я же мог только завистливо вздыхать и с тихой ненавистью коситься на учебник немецкого. Немецкий язык я изучал уже семь лет, и, как шутила Настя, был счет «пять — два», то есть я более-менее знал программу за два первых года — а пять лет выезжал на одной удаче и списывании у более успешных в изучении столь коварного предмета приятелей.

Тяжело вздохнув, я плюхнулся на диван и нащарил пульт от музыкального центра. Тыкнул кнопку, выбирая песню наугад, закрыл глаза и откинулся на спинку дивана. Агрегат не-

много пожужжал, выбирая мелодию, потом из динамиков раздалась песня моей любимой «Мельницы». Немного послушав тихую музыку, я потянулся к пакету — интересно же, что мне подсунул Леша. Нет, я знаю, что гадость мне он не подкинет, но порой попадаются такие книги... Например, однажды Леша вручил мне тоненькую брошюрку «По дороге в нирвану». И все бы ничего, но книжка была весьма... откровенного содержания. Похихикав над ней, я забросил ее за шкаф. А через пару недель Насте взбрело в голову сделать генеральную уборку. Разумеется, она наткнулась на данную... макулатуру, а я потом месяц сидел без карманных денег. Как сказал отец: «Чтобы всякую пакость не покупал». С тех пор я тщательно проверяю все, что Леша мне подсовывает, и подозрительные книжки стараюсь убирать подальше, чтобы потом вернуть обратно. Обычно Леша ворчит, но книги принимает, даже несмотря на то, что это вроде как запрещено правилами.

Та-ак, посмотрим... Угу... Ага... А это я уже читал... О, а вот это весьма интересная книга, мне ее уже давно советовали... Ладно, на неделю мне хватит, а дальше посмотрим.

Я закрыл глаза и откинулся на спинку дивана. Спа-ать хочу...

Перед закрытыми глазами возникло видение — огромный замок, сложенный из черного камня. Ночь. Стены освещают три огромные разноцветные луны — бледно-красная, золотая и серебристая, бросая яркие блики на широкую реку, текущую неподалеку. В окнах замка видны огни — там пируют. Слышна веселая музыка. Но это все далеко — а здесь, на пустынной дороге, тишина...

...Тихий цокот копыт. Из-за поворота выезжают два всадника. Один, точнее, одна, — капюшон плаща немного сполз, открывая красивое женское лицо в обрамлении угольно-черных волос, — сидит на великолепном вороном коне. Второй же... Его конь как будто соткан из лучей всех трех лун — такое яркое серебристое мерцание исходит от него. Конь словно плывет над землей, совершенно не тревожа всадника...

...Вслед за всадником на лунном коне тянется шлейф из ярко блестящих снежинок. Они закручиваются вихрем во-

круг его накрытой капюшоном головы, и кажется, что у всадника действительно ледяная корона...

...Тишина тянется вслед за ним и вскоре накрывает замок. Огни гаснут, музыка стихает. Всадники останавливаются. Женщина оборачивается и что-то тихо говорит, протягивая своему спутнику тонкую цепочку, на которой висит прозрачная капелька. В свете лун она нестерпимо сверкает, словно бриллиант. Всадник кланяется и берет цепочку из руки женщины. Та печально улыбается, кивает и, развернув коня, бесшумно несется в сторону замка. Резкий порыв ветра сбрасывает капюшон и с головы всадника. Невероятно длинные белоснежные волосы, отливающие серебром, не скрепленные ничем, плещутся по ветру. На них оседают снежинки, образуя корону. Корону ледяного короля...

...Всадник оборачивается, и я понимаю, что у него мое лицо. Почти такое же, как сейчас, но глаза... В ярко-синих глазах отражались века прожитой жизни. Века, полные одиночества...

...Мужчина мягко улыбается, глядя мне в глаза, и протягивает руку, в которой тут же возникает бокал, наполненный... лунным светом? Да, именно им. Глядя на меня, он неспешно поднимает бокал, как бы салютуя, выпивает напиток и разжимает пальцы. Бокал тут же расплывается, обращаясь в вихрь снежинок и присоединяясь к танцу других. Это не страшно, это так красиво...

...Мужчина ласково улыбается, словно подбадривая меня, и разворачивает коня. Одна из лун, сверкнув особенно ярко, словно открывает перед ним серебряную дорогу, сотканную из собственного света. Мужчина направляет коня на нее и через секунду рассыпается ворохом искр, с невероятной скоростью устремившихся прочь по дороге. До меня доносится тихий смех...

Фу-у-у, приснится же такое!

Я подскочил от громкой трели звонка и поглядел на часы. Пять часов! Значит, это Настя.

Потряс головой, изгоняя тем самым остатки сна, убавил звук проигрывателя, на этот раз воспроизводившего что-то

из классики, и пошел к двери. Если сестре не открыть дверь сразу, то она потом всех доведет своими придирками по поводу скорости. Она как бронепоезд — ее ничто не остановит! Слава богу, у нее есть жених. Через два месяца у нее свадьба — и она наконец съедет с квартиры и не станет больше доставать меня по утрам.

Настя — жаворонок, причем жаворонок по утрам гиперактивный, тогда как я ярко выраженная сова. Лучше всего мне думается после полуночи, а сестренка в десять уже зевает. И у нее хватает наглости будить меня в шесть утра! Помнится, из-за этого мы как-то раз даже подрались, и я вроде как отстоял свою точку зрения, но потом сестренка заручилась поддержкой родителей... Теперь по утрам меня ходит будить вся семья. Эх, нет в жизни справедливости. Или я уже это упоминал?..

— Иду! — крикнул я в прихожей. Распахнув дверь, я тут же отскочил в сторону. Вовремя — полный чемодан пролетел мимо. «Первый пошел», — мысленно хихикнул я.

Настя имеет вредную привычку по приезду зашвыривать свои чемоданы в квартиру. Именно зашвыривать — сейчас чемодан проехал несколько метров, прежде чем остановился и с жалобным скрипом упал, подмяв под себя мой тапок. Я еле успел отдернуть ногу, иначе вместо своей ступни получил бы блин. Так, понятно. Опять Настя в последний день командировки носилась по магазинам и, разумеется, накупила кучу вещей. Помнится, когда она уезжала, чемодан был полупустым. И тогда чемодан был один! А сейчас в квартиру один за другим залетели три перетянутых ремнями огромных баула фасона «мечта оккупанта». Ничего себе... Кажется, Настя в этот раз немного увлеклась.

Хех, не понимаю я женщин. Они не любят тяжелую атлетику, но тем не менее таскают *такие* пакеты, когда ходят по магазинам... Я как-то раз решил взвесить сумку сестренки после того, как она ураганом пронеслась по парфюмерному отделу перед очередной командировкой, оставив после себя только пустые полки и взмыленных продавцов. Специально взял с собой весы. Получилось семь с половиной кило... А ведь у нее еще и другие авоськи были!

— Мистик! — раздался возмущенный возглас сестры. — Почему ты его не поймал?

— Я не самоубийца, — пробормотал я себе под нос, рассматривая багажную гору. И откуда у нее только силы берутся? Вроде хрупкая девушка... На вид. Ну да, шесть лет занятий карате куда не денешь. А все потому, что Настю в детстве постоянно дергали за косички, и она твердо решила не давать своим обидчикам спуска. Помнится, последнему, кто к ней приставал, она сломала руку и нос...

Я перевел взгляд на сестру. Хрупкая — на вид — невысокая блондинка с серыми глазами, доставшимися ей от отца, симпатичной мордашкой и ладной фигуркой. Вот если бы она не была старше меня на восемь лет и не была бы моей сестрой... Эх, сочувствую я ее жениху — под ангельской внешностью Насти скрывается настоящий дьявол. Вся в отца. Это я больше похож на мать, как внешностью, так и характером. И если Настасья обладала взрывным темпераментом, то, пообщавшись со мной или мамой, люди обычно качали головой и говорили: «В тихом омуте...»

— Ты меня пропустишь? — вздернула бровь сестренка. Я ехидно усмехнулся и поклонился, пародируя швейцара:

— Прошу, миледи.

— Да ну тебя, — отмахнулась Настя, заходя в квартиру. — Дай я тебя хоть обниму, полгода же тебя не видела!

Не успел я пискнуть, как оказался в стальных объятиях сестры. Вот ведь... Так и ребра недолго сломать. Я пару раз трепыхнулся и, поняв, что сопротивляться бесполезно, расслабился, навалившись на нее всем весом. Теперь, пока она не отпустит меня сама, дергаться бесполезно. Проверено.

В нос ударил странный запах: можжевельник, жасмин и полынь... В какой-то момент мне показалось, что Настя сменила духи, но нет — от нее по-прежнему пахло столь любимой ею и ненавидимой мной сладкой карамелью. Тогда откуда?..

Запах становился все сильнее, забивая ноздри и мешая дышать. Я отстранился от сестры и начал хватать ртом воздух. Не помогло. Кроме того, к запаху, ставшему уже нестерпимым, прибавился жуткий холод. Меня затрясло.

— Мистик! — ворвался в мое сознание встревоженный

голос сестры. — Мистик, что с тобой? Братик, ты меня пугаешь. Мистик!

Что Мистик, что Мистик?.. Я сполз из ослабевшего захвата на пол, перед глазами возникла серая пелена. Голос сестры все отдалялся от меня, воздуха не хватало, холод пробирал до костей...

«Все. Допрыгался», — мелькнула в голове мысль, и я... Умер?

ГЛАВА 2

Поминок не получилось — так отпразднуем же это событие!

Кощей Бессмертный

Линсахеее арр Мередан утер со лба пот и усталился на пентаграмму. Ну почему, почему хозяйке для опытов понадобился именно демон? Неужели нельзя было схватить первого попавшегося человека? Они ведь так быстро размножаются, человеком больше, человеком меньше, какая разница! А призыв демонов считается запретным уже много веков. И если его поймают, то не видать ему больше гаххи¹ как своих ушей! Да если бы это было возможным, он бы лично наловил капризной леди различных особей: и мужчин, и женщин, и детей, если понадобится... Но нет: подавай ей демона!

На секунду прикрыв глаза, маг позволил себе помечтать о бездонных небесно-голубых глазах своей леди и о густых черных кудрях... Затем встряхнулся: не время грезить, скоро полночь!

Мужчина нервно поежился и оглянулся. Зброшенный

---

¹Га х х и — парные браслеты, вручаемые человеческому магу или магу-полукровке, один из родителей которого был человеком, в день окончания учебы и позволяющие колдовать без колоссальных потерь жизненной энергии, возникающей из-за неустойчивости каналов связи с миром. Индивидуальны; их невозможно украсть или использовать другим магам. Также мага можно лишить гаххи по приговору Совета. Забрать у мага гаххи — значит отнять у него возможность колдовать, поскольку гаххи каждому магу можно изготовить лишь раз в жизни. Высший приговор для мага выносится Советом архимагов и подтверждается не менее чем тремя жрецами Мертвого солнца.

храм Мертвого солнца стоял в отдалении от города, так что живых можно было не опасаться. Но никто не отменял того, что Мертвое солнце само может покарать дерзкого, осмелившегося осквернить его храм, пусть даже заброшенный. Особенно ночью.

Култ Мертвого солнца был самым опасным и таинственным из всех существующих. Никто не знал, по какому принципу отбирались жрецы. Просто в один момент у избранного на тыльной стороне левой кисти возникала татуировка в виде цветка изо льда. Выбран мог быть любой — младенец, старик, принц крови или последний нищий. Самое главное, что выбору нельзя было противиться — отказавшийся просто умирал. Причем далеко не самой легкой смертью.

Жрецы культа всегда великолепно владели магией Льда. Верховные жрецы спокойно могли одолеть в открытом бою с десяток магистров Огня, не говоря уже о более слабых противниках. Другое дело, что им было это не нужно — жрецы и так осознавали свою силу и не нуждались в доказательствах могущества своего божества. Правда, в последнее время култ заметно ослаб, многие храмы были заброшены, жрецы гибли или бесследно исчезали.

Вначале этому радовались, но потом пришли в ужас. Мертвое солнце всегда было проводником магических сил, а также стояло на страже *упокоенных*. И теперь, когда по миру стало бродить все больше нежити, а маги начали утрачивать свои силы, никто не знал, что же делать.

Линсахеее пожегился, глядя на серебряную облицовку колонн храма, вздохнул при виде такого бессмысленного, на его взгляд, расточительства, и затянул заклинание. Через несколько атисс пентаграмма вспыхнула зеленым цветом, и мужчина умолк — теперь все решается без него.

Внезапно в храме ощутило похолодало. Пентаграмма сменила свой цвет на льдисто-голубой и ярко замерцала. Маг попятился, пытаясь понять, что происходит. На его памяти — а демонов он вызывал не впервые, не обращая внимания на всяческие запреты, — подобного просто не должно происходить... Только если демон в процессе перехода не умер.

Линсахеее досадливо сплюнул. Ну вот... И стоило высчитывать лунные циклы, строить сложнейшие пентаграммы

и осквернять хоть и покинутый, но все же храм, чтобы в итоге получить вместо столь необходимого демона — труп. Впрочем, во второй раз он проводить призыв не будет — и так достаточно рисковал собой, забираясь ночью в храм с окнами в полнолуние. И как только сумел найти темный уголок...

Пентаграмма ослепительно полыхнула, заставив мага зажмуриться, и погасла окончательно. Все. *Призванное тело* прибыло.

Мужчина осторожно раскрыл глаза, проморгался и щелчком пальцев зажег пару светлячков, разглядывая лежащее в пентаграмме.

Вот только тело было весьма живым и явно не собиралось отходить в мир иной. Да и демоном вызванный определенно не являлся.

В пентаграмме лежал без сознания молодой парнишка, на вид не старше семнадцати. Длинные волосы заплетены в растрепанную косу. Тонкие черты лица. Бледные губы. Изящная фигура. Одет странно: в брюки из непонятого синего материала и не до конца застегнутую черную рубашку с короткими рукавами. На ногах вместо нормальной обуви тапок. Причем один.

Человек? Тогда почему он возник в пентаграмме призыва демонов?

Пока маг разглядывал парня, тот пошевелился и застонал. Это и привело мага в чувство. Задание выполнено... И тот ли, другой ли — никого не касается!

Погрузив существо в глубокий сон, Линсахеее выудил из-за пазухи амулет портала, данный ему госпожой его сердца, и, ухватив «заказ» за тонкое запястье, активировал его, исчезая в синей вспышке.

А оставшаяся на полу пентаграмма полыхнула и рассыпалась мельчайшими искрами, тут же растаявшими в лунном свете.

Ох, е... Как голова болит!

Я осторожно пошевелился, стараясь не дергать головой. Такое чувство, что она сейчас отвалится. Та-а-ак, обо что я

так хорошо приложился, интересно? В прихожей кроме вешалки и стула, стоящего у стены, были только чемоданы. Ну, Настя, ну... сестренка любимая! Рассчитаюсь я еще с тобой за это!

Пришедшее в себя любопытство осторожно намекнуло, что не мешало бы оглядеться и понять, где же я нахожусь, поскольку до этого момента таких мягких кроватей в нашем доме не наблюдалось. Решив послушаться его, я аккуратно приоткрыл глаза... и тут же изо всех сил зажмурился, игнорируя новую вспышку боли.

Вместо родного потолка квартиры и милой моему сердцу электрической люстры я успел заметить высоченный каменный свод (метров десять, не меньше) с огромным светильником, в котором горело штук тридцать матовых, очень ярких лампочек в виде шаров. Интересно, и где это я? Смахивает на чью-то дурацкую шутку. Точнее, не чью-то, а родной сестренки.

— Эй, есть кто живой? — Мамочки! Неужели этот сильный вой и есть мой голос?

Преодолевая головную боль, я снова раскрыл глаза и сел, осматриваясь. Интересно, где я?

Небольшая комнатка с высоким потолком и каменными стенами. Крохотный столик, шкаф из светлого дерева, наглухо завешенное тяжелыми изумрудного цвета шторами до пола окно, пушистый бежевый ковер на полу, две двери и небольшая кровать, больше похожая на тахту-кушетку, на которой, собственно, и покоилась моя тушка. У кровати стоял мой любимый тапок, почему-то один. Ну да, второй тапок почил смертью храбрых под сестричкиными чемоданами.

Вопреки наличию высоких потолков, помещение казалось очень маленьким и тесным. Это что за чулан для знатных особ? Или комната свиданий?..

Оглядевшись, я заметил зеркало в углу напротив кровати. И мое отражение в нем вызвало целый табун нервных мурашек, пробежавших по спине.

На моей шее красовался совершенно неошутимый, но массивный черный ошейник с серебристой чеканкой. Я лихорадочно ощупал новоприобретенное украшение и содрогнулся: замка не было.

Это что такое?

Та-а-ак, мне не смешно! Если Настя решила подшутить, то мне даром не нужны такие шуточки! Все папе расскажу!

Подергав новоявленную цапку и безуспешно попытавшись стянуть ее через голову — едва не оторвал себе уши, между прочим! — я замер, задумавшись, потирая саднящую кожу на шее. Интересно, где Настасья могла раздобыть подобную штуку? И *как* она планирует ее с меня снимать?..

Не успел я встать, чтобы подойти к зеркалу и рассмотреть «подарочек» на моей шее, как правая дверь открылась и в комнату вошел мужчина. При виде него я с трудом сдержал хохот.

Высокий, под два метра ростом, он был настолько худым (вернее, тощим), что по сравнению с ним скелет в кабинете биологии, который я на последний Новый год старательно нарядил Дедом Морозом и оставил в учительской на радость преподавателям, казался толстяком. Ну, это я немного преувеличил, но все равно. Волосы странного кроваво-ржавого цвета — такие одно время были у моей сестренки, когда она доэкспериментировалась с краской для волос — спускались до плеч; со скуластого лица с узкой полосой презрительно поджатых губ недобро смотрели светлые, почти прозрачные серые глаза. Кроме того, это чудо было завернуто в балахон, бывший когда-то черным, а теперь щеголявший всеми цветами радуги из-за различных пятен неизвестного происхождения и разноцветных заплат. С какого пугала сняли эти лохмотья, скажите мне? Наверное, в той области самый большой урожай.

На ногах у мужчины были... тапки. Черные. Пушистые. С помпонами.

При взгляде на это «великолепие» я не выдержал и сложился пополам от истерического смеха. Нет, ну надо же! Я тоже хочу такие тапочки!

«Чудо» недовольно нахмурилось и сделало странный жест рукой. Тут же меня скрутила такая боль, что я заорал во весь голос, грохнувшись на пол. Собственный крик отразился от стен и зазвенел у меня в ушах. Перед глазами потемнело, а во рту появился стойкий привкус крови.

О-о-ох... Как же больно!

Сколько это продолжалось — не знаю. Наконец боль утихла, и я сумел аккуратно сесть на ковре.

За что? Что я такого сделал? Не понимаю...

— Встань! — приказал мужчина.

Ага, сейчас, спешу и спотыкаюсь! Мне и сидеть-то затруднительно, а он еще встать требует. Переживет, не маленький. К тому же это он виноват в том, что мне сейчас даже сидеть больно... Сволочь!

Видя, что я не спешу выполнять его приказ, мужчина злобно оскалился, протянул в мою сторону правую руку и сжал кулак. И вот тут я понял, что перед этим была не боль, а так, легкая щекотка. Казалось, что мне сломали все кости разом, перекрутили их, словно пластилин, а на том, что от меня осталось, станцевали чечетку в железных сапогах. От боли я не мог даже кричать, только тихо хрипел. С-с-скотина... Хоть бы объяснил, за что... Даже инквизиторы объясняли причину пыток! А этот... с-с-садист доморощенный!

Наконец этому гаду надоело меня мучить. По крайней мере, боль ушла... ну и слава небесам! Еще раз встречаться с этой леди я не имею ни малейшего желания.

— Встань! — снова раздался приказ.

Да встаю, встаю... Интересно, а чем это он меня? Электрошок? А почему тогда руки пустые? Превозмогая боль, я привел свою тушку в вертикальное состояние и, пошатываясь, с ненавистью глянул на мужчину. Тот хохотнул.

— Смелый, — хмыкнул он. — И наглый. Идем.

Мужчина развернулся и вышел из комнаты. Я, зачем-то захватив с собой тапок, покачиваясь, направился за ним, мысленно кроя своего проводника на все лады. Интересно, кто же он?

Я, пошатываясь, брел за своим проводником-мучителем по длинному коридору с высоким потолком и развешанными на каменных стенах симпатичными светящимися шарами, и меня все сильнее охватывала паника. В голове царил сумбур.

Не знаю, сколько я провалялся без сознания, но меня успели отвезти куда-то очень далеко. Начать с того, что в окнах виднелся отнюдь не городской пейзаж, а высокие, по-

крытые сверкающим снегом горы. Интересно, где это я? На Алтай, где мы с семьей не раз отдыхали, что-то не очень похоже... Кавказ, что ли? Или меня, решив не мелочиться, увезли сразу в Гималаи?

К тому же за окном явно была осень: крупные листья, похожие на кленовые, носились в воздухе, подхваченные игристым ветром, весело переливаясь в свете... *Двух* солнц?!

Я замер у ближайшего окна, не в силах переварить поступившую информацию. Это что же... Мама дорогая! Где я?! Верните меня туда, где взяли!

Я не спорю, читать про попаданцев очень весело и интересно, это всегда было моим любимым чтением, но чтобы самому влипнуть в это? Не хочу!

А родители? А сестренка? Я же с Лешей за книги не расплатился!

Нет, нет, нет, только не это... Мама, папа, Настя... Нет...

Бездумно глядя на нахально сияющие на небосводе светила, я продолжал что-то невразумительно шептать, пытаюсь осознать всю глубину свалившегося на меня несчастья.

Только не это, пожалуйста, пусть это будет что угодно: пьяная галлюцинация или предсмертные видения... Пожалуйста, пусть мне все это кажется...

— Идем, — ворвался в мое сознание чужой голос. Я не обратил на него внимания, продолжая очумело глядеть на два ярких солнышка и так вцепившись в тапок, словно он был моей единственной надеждой на светлое будущее.

— Идем! — В голосе мужчины послышалось раздражение. Я только отмахнулся, продолжая лихорадочно обдумывать ситуацию.

Итак, я в другом мире, и что это значит? «То, что сбылась мечта идиота», — мысленно хихикнул я, чувствуя, что вот-вот сорвусь и начну биться в истерике. Я же не знаю ничего об этом мире: ни его истории, ни географии, ни даже как он называется!

Тут меня на несколько секунд охватило дикое жжение, словно с потолка опрокинули чан с кислотой. Я, вынырнув из надвигающейся на меня серой пучины отчаяния, яростно зашипел сквозь зубы и глянул на своего провожатого. Тот удовлетворенно хмыкнул и направился дальше.

— Идем, — в третий раз бросил он мне через плечо.

Мысленно матеря моего спутника, я продолжал обдумывать ситуацию. Выводы получались неутешительные.

Во-первых, я си-и-ильно сомневаюсь, что в этом мире говорят на великом и могучем. И то, что я могу понимать мужчину, означает лишь одно — экспресс-обучение кого-то из нас (скорей всего, меня) новому языку при помощи столь подробно расписанной в любимых мной книгах магии. Ох, чует мое сердце, что с ее помощью можно не только учить. Наверняка он мучил меня именно ей...

«Ничего, когда-нибудь я с ним за это расплачусь», — промелькнула в голове абсолютно спокойная, отдающая арктическим холодом решимости и словно бы не моя мысль. Поглядев на спину мага, я злобно ухмыльнулся. Да, когда-нибудь я с ним рассчитаюсь за все. И за то, что выдернул меня из дома, и за то, что пытал.

Не попадайся мне на узкой дорожке, маг! Иначе для тебя эта встреча станет *очень* неприятной. И *очень, очень* болезненной.

Во-вторых, нужно срочно что-то сделать с новоприобретенным украшением. Слишком уж оно напоминает мне рабский ошейник, как они обычно описываются в книгах. А участь раба меня не прельщает.

Эх, кого я обманываю... Здесь, в ином мире, без родных, защитников, не имея ничего, что мало-мальски походило бы на оружие (ну не тапком же мне отмахиваться?), без знаний о мироустройстве и расстановке сил я абсолютно беспомощен. И если кому-то пришло в голову сделать меня рабом... Что ж, русские не сдаются, так? Но никто не говорил, что они и не гибнут при попытках сопротивления...

Ха, может, сейчас я физически и беспомощен, но никто не мешает мне мысленно ругать своего провожатого на все лады! Какое-никакое, а удовольствие.

Тяжело вздохнув, я решил помучить вопросами своего провожатого. Начнем с самого простого.

— Эй, ты меня слышишь? Может, хоть скажешь мне, где я оказался?

«Чудо» резко развернулось и, метнувшись ко мне, отвеило такой подзатыльник, что я упал на пол, крепко прило-

жившись лбом. Голова не раскалывалась, нет. Такое чувство, что ее сунули под отбойный молоток.

Неудачная попытка. Что ж, отрицательный результат — тоже результат.

— Молчать! — гаркнул мужчина. — Ты не имеешь права голоса, раб!

Все-таки раб... Допрыгался. И что теперь? Изображать из себя Спартака? Ага, вот только мы не в Древнем Риме, и за моей спиной нет преданной мне армии из бывших рабов, готовых отстаивать свою свободу до последнего вздоха. Зато знания о том, как эту армию занять, у меня есть! И как сидячие забастовки проводить.

Тихонько постанывая от боли, я поднялся на ноги (урока в комнате мне вполне хватило, повторения не надо, спасибо) и в упор уставился на мужчину. Тот оскалился:

— Молодец! Послушный раб. Идем.

Вот гад, наверняка я сотрясение мозга из-за него заработал! Все плывет, как будто я в тумане... Шатаюсь из стороны в сторону, не в силах унять начавшееся головокружение, я побрел за женщиной.

В голове было пусто.

Коридор закончился массивной дверью, перед которой мужчина остановился и обернулся ко мне:

— Слушай меня, раб...

— У меня есть имя! — огрызнулся я. Удар, и я отлетаю к стене, пытаюсь понять, не сломал ли мне этот гад позвоночник. По крайней мере, спина подозрительно хрустнула.

Да нет, руки-ноги шевелятся — значит, позвоночник цел. Было бы весело, если бы мне сломали спину в первые же часы моего пребывания здесь...

— Ты не имеешь права на имя, раб! — холодно отчеканил мужчина. — Ты принадлежишь хозяйке, и только она может дать тебе кличку.

«Я не собака!» — едва не сорвалось у меня с языка. Все-таки мои кости мне еще дороги в первоизданном виде. А жертвовать собой ради каких бы то ни было возвышенных целей я не имею ни малейшего намерения. По крайней мере, пока я

не могу сделать ничего, чтобы изменить свою участь. Так зачем лишний раз трепыхаться? Уж лучше побережь силы. Например, до того момента, как мне в руки все-таки попадет мой мучитель-проводник.

Скосив глаза на мага, я красочно представил себе, как сначала сдираю с него кожу, потом слегка прожариваю и, все еще живого и вопящего, медленно разрезаю на кусочки и скармливаю бродячим псам...

Бр-р-р, что за мысли палача-садиста? Я в недоумении потряс головой. Странно... Я вообще-то мирный человек, для меня убитая птичка — уже трагедия. Может, иной мир так на меня влияет?

Из раздумий меня вывел мощный тычок в спину, благодаря которому я пролетел сквозь услужливо распахнувшиеся двери и пропахал носом покрытый пушистым алым ковром пол, затормозив у чьих-то ног. От поднятой пыли я начал яростно чихать. Над головой раздался мелодичный женский смех.

— А он крепкий, — сказала незнакомка. — Даже кости не сломались.

Я, прочитавшись, поднял голову... Ой, мать моя женщина!

Стоящая передо мной красавица была... совершенна. Да, именно так. Густые черные волосы были забраны в высокую прическу. С идеального лица на меня пристально смотрели яркие голубые глаза. Безупречная фигура была затянута в кожаный костюм, облегающий ее, как перчатка. Алые губы насмешливо улыбались.

«Статуя, — подумал я. — Прекрасная мраморная статуя».

Улыбка мгновенно превратилась в оскал.

— С-с-статуя? — прошипела женщина и с силой заехала ногой в сапожке мне по ребрам. Я скорчился на полу, хватая ртом воздух и пытаюсь унять боль. Да что ж такое?! Почему мне все время хотят сломать несколько костей?! Не жалко свои новые игрушки — так хоть обувь бы пожалела!

Стоп... Я же не говорил вслух про статуя!

От пришедшей мне в голову догадки я похолодел. Это... это же...

Небо великое, Хаос предвечный, телепатка! Самая на-

стоящая телепатка! Вот я попал... Да кто вообще такая эта с-с-с... совершенная женщина?

Снова раздался смех, и женщина сказала:

— Линсахееете, спасибо за подарок. Он прекрасен. Оставьте нас.

— Да, хозяйка, — произнес мой провожатый и, судя по звукам, вышел из комнаты. Я фыркнул. Ну и имечко у него! Наверняка намучился он с ним!

На какую-то секунду мне даже стало жалко незадачливо-го мучителя. Видимо, его в детстве крепко достали насмешками, вот он и издевается над другими. Впрочем, если бы подобным образом обозвали меня, то не думаю, что мой характер был бы намного лучше.

— Ошибаешься. — Ой, блин! Мне что, за мыслями теперь тоже следить? — Линсахееете означает «непобедимый». Это честь — носить такое имя.

Ага, только звучит идиотски. Вот уж действительно, наглядное пособие традиции «дай имя — поиздевайся над ребенком»...

Я аккуратно сел и, положив рядом с собой тапок, с любопытством огляделся. Как оказалось, меня привели в небольшой кабинет. Стол с резной крышкой, стул, больше похожий на трон, и несколько шкафов с книгами — вот и все убранство комнаты. Окна украшали тяжелые, плотные алые шторы, сейчас распахнутые, а на потолке крепилась симпатичная люстра с такими же непонятными шарами, как и в коридоре. В общем, обычный кабинет, почти такой же у моей матери на работе.

Только моя мама не переносит алый цвет — а тут его в избытке. Но вкус у того, кто обставлял кабинет, есть — об этом не поспоришь.

А вот хозяйка этого места... Я поспешно оборвал мысль и поинтересовался у женщины:

— Вы кто?

— А ты наглый, — с непонятным мне восхищением сказала она.

— Какой есть, — скромно пожал я плечами и поерзал, устраниваясь поудобнее и подтягивая к себе поближе тапок. Да что я так в него вцепился? Не понимаю...

Женщина чуть приподняла левую бровь, и тапочек весело вспыхнул синим пламенем. Я, непроизвольно вскрикнув — горячо, между прочим! — отбросил его подальше. Огонь погас, и я с грустью констатировал, что от тапка остались лишь обгорелые лохмотья. Вот и пропала моя последняя обувь в этом мире. Не то чтобы я собирался ходить в одном тапке, но теперь мне вообще нечего обуть!

— Не волнуйся, — раздался женский голос. Я вскинул голову и увидел, как женщина (тот чудик с непроизносимым именем, кажется, назвал ее хозяйкой) плавно садится передо мной на услужливо подъехавший к ней стул (видимо, перетаскать стул вручную она посчитала ниже своего достоинства) и элегантно закидывает ногу на ногу. — Обувь тебе не понадобится.

— Почему? — удивился я. Не понял — мне что, ходить босиком по каменному полу? А он, между прочим, холодный. Простыну — и что тогда? Не думаю, что меня будут лечить.

— А рабам обувь не положена, — безмятежно отозвалась эта... леди, эффектно наколдовывая хрустальный бокал и кувшинчик, парящие в воздухе. Кувшин наклонился и, наполнив бокал ярко-фиолетовым тягучим напитком, похожим на комкастый кисель, бесследно исчез. Женщина аккуратно взяла бокал и пригубила пойло. Меня передернуло. Мерзость...

— Да нет, не мерзость, а элитное вино столетней выдержки. Кстати, можешь звать меня хозяйкой, — усмехнулась эта... эта... в общем, эта. Подобрать приличное слово для определения дамочки я никак не мог.

— У меня нет хозяев. Я свободный человек!

Честное слово, не сдержался! Мне и так сегодня стрессов хватило. Сначала странный, уже почти стершийся из моих воспоминаний сон, затем перемещение в другой мир, рабский ошейник и, в завершение комплекта, маг-садист с непроизносимым именем и сумасшедшая тетка, требующая называть ее хозяйкой. Многовато впечатлений за один день, не кажется? К тому же я их не заказывал — мне вполне спокойно жилось дома.

Ух, попадись мне тот ухарь, благодаря которому я здесь оказался! Убить не убью, но покалечу основательно!

Так, Мстислав, спокойно, побереги свои нервы — они тебе еще пригодятся.

Глаза женщины заledenели, рука так сжала бокал, что тот взорвался, засыпав осколками и залив своим содержимым ковер. Ой... Кажется, я нарвался!

Что-то прошипев, она махнула в мою сторону рукой, и меня словно окунуло в море боли.

Боль была в голове, она переливалась и полыхала всеми оттенками красного, как дорогое вино. Нет, не вино — ликер, поскольку боль была такой же тягучей и приторно-сладкой на вкус.

Боль была в теле, и казалось, что каждую мышцу сначала растянули до невообразимых пределов, а затем свернули в жгут и намотали поверх осколков, в которые превратились кости.

Но сильнее всего болело сердце. Казалось, какой-то ненормальный палач вскрыл мне грудную клетку и стал медленно, смакуя каждое движение, разрезать судорожно трепыхающийся орган на кусочки...

Сколько это продолжалось, секунду или вечность, — не знаю. Просто в один момент боль ушла, оставив после себя жуткую слабость и ломоту во всем теле, вкус крови во рту и нещадно саднящее горло. Я что, кричал?

С трудом собрав себя в кучу и переведя взгляд на женщину, я успел заметить сумасшедший оскал и безумный блеск глаз. Но в следующий момент жутковатую гримасу заменила маска безмятежности и легкого любопытства. Бр-р-р...

— Ну что ж, первый опыт прошел успешно, — чуть насмешливо сказала она и откинулась на спинку стула.

Экспериментаторш-ш-ша, чтоб ее...

«Опыт?» — хотел поинтересоваться я, но из истерзанного горла не вылетело ни звука. Впрочем, этой х-х-х... хозяйке недоделанной хватило и мысли.

— Ну да, опыт. А разве Линсахеее тебе не сказал? — Удивленное лицо и чуть приподнятая бровь. — Мне нужен был демон для опытов в магии Крови, и мой слуга вызвал первого попавшегося. Им оказался ты. Да ты бы уже определился, как будешь меня называть...

Но я не обратил внимания на последние слова, пытаюсь

понять, не сошла ли эта женщина с ума. Судя по всему — уже давно...

О чем это она? Какой демон? Я чистокровный человек!

— А мне без разницы, — безмятежно заявила эта... хозяйка. Хоть бы представилась, что ли! — То, что ты не демон, а человек, только играет мне на руку. В этом мире ты одинок, а значит, за тебя никто не заступится.

Эй! Я же не беспомощный котенок! И драться я умею! По крайней мере, отпор разным там... дать смогу. Мог, по крайней мере, до этого момента.

— Ну и отлично! — Эй, что означает эта предвкушающая улыбка? — Значит, будешь жить в казармах, и в свободное от опытов время тебя будут тренировать. Заодно и выясним, как будут влиять опыты на твоё физическое состояние. Если и убьешь парочку солдат — не жалко.

Ага, щас! Я не собираюсь никого убивать!

— Малыш, — меня передернуло от такого обращения, и по телу от неосторожного движения прошла волна боли, заставив меня зашипеть. — На тебе мой личный ошейник подчинения. Если я захочу, то ты самолично перебьешь всех обитателей моего замка и принесешь мне голову Линсахеее на серебряном блюде. Правда, это будет делать твоё бессознательное тело, поскольку разум будет разрушен.

Я похолодел. Вот это влип! Ничего, всегда можно попытаться снять эту удавку или, если не будет другого выхода, покончить с собой.

— Можешь об этом не думать. — Интересно, а существует защита от телепатов? Искренне надеюсь, что да. — Ошейник можно снять только после моей смерти, а я умирать не собираюсь. И к тому же эта «удавка» не даст тебе самовольно умереть — ты слишком ценный материал.

Я почти наяву услышал, как забивается последний гвоздь в крышку моего гроба. Легкий смешок дамочки, в котором промелькнули торжествующие нотки, прозвучал вместо похоронного марша. Все. Дальше падать уже некуда.

Интересно, она начнет остальные опыты ставить сейчас или немного подождет, позволив мне прийти в себя?

Женщина громко хлопнула в ладоши, и в комнату вошли два угрюмых мужика, здоровенных и, судя по их лицам, явно

не обремененных интеллектом. Новоявленная хозяйка (ха, неужели у нее настолько глупое имя, что она стесняется его называть?) указала на меня таким жестом, каким император указывает на заинтересовавшего его крестьянина:

— В казарму его. К мясу.

Значит, не сейчас. Или?..

«К какому еще мясу?» — хотел уже поинтересоваться я, когда амбалы, подойдя ближе, резко вздернули мое тело в воздух, держа за руки и за ноги. Я взвыл и от накатившей боли второй раз за день потерял сознание.

ГЛАВА 3

Друг — это не тот, кто приходит, когда ему плохо, а тот, который не уходит, когда плохо тебе.

N.N.

— Элли, расскажи! — весело поблескивая глазенками, заявил один из мальчишек, подпрыгивая от нетерпения на узкой койке.

— Да, расскажи, расскажи! — хором поддержали говорившего еще двое пацанят, похожих на первого, как две песчинки в пустыне.

Сидящий у противоположной стены на покосившемся табурете рыжеволосый, покрытый шрамами мужчина слегка дернул уголком рта.

— Хорошо. Итак...

В этот момент дверь казармы со скрежетом распахнулась и в светящемся проеме возникло несколько фигур.

— Эй, мясо! — хрипло крикнул печально известный всем обитателям казармы начальник стражи в замке. — Принимай пополнение!

Новенький? Опять... И опять не выдержит долго, покончив с собой уже через пару улэдов...

В помещение буквально зашвырнули чье-то тело, и дверь тут же захлопнулась.

Мужчина, сорвавшись со своего места, бросился к нович-

ку. За ним спешили мгновенно посерьезневшие тройняшки. Новичок... За что же с ним сразу так жестоко?

Перед ними лицом вниз лежал худой русоволосый паренек с длинной косой и в странной одежде. Обувь у него отобрали. Глупо. Как прикажете обходиться на тренировках без обуви? Придется выделять новичку сапоги.

Парнишка явно был без сознания, но при этом тихонько стонал, словно от боли. Что же с ним сделали?

Мужчина осторожно перевернул паренька на спину, скользнул взглядом по лицу лежащего... и замер, зацепившись взглядом за тонкие черты.

— Лиэс... — беззвучно шепнули его губы. К-как... Как это возможно?

Встряхнувшись, мужчина бережно поднял юношу с пола — благо весил мальчишка совсем мало — и принялся командовать:

— Так, ребята, быстро расчистили кровать рядом с моей. Затем отцепляйтесь от меня и начинайте лечить его. — Рыжий указал взглядом на тихо стонущего парня.

Но близнецы не торопились выполнять его требование.

— Элли, а может... — начал было один из них.

— Быстр-р-ро! — От громкого начальственного рыка тройняшек словно сдуло — так быстро они бросились расчищать свободную койку от наваленных на нее вещей. Мужчина же, пристально следя за работой близнецов, бережно, хоть и неловко, погладил бессознательного парнишку по мягким спутанным волосам.

— Потерпи, маленький... Потерпи, сынок. Лес Великий, благодарю тебя... спасибо, что послал мне его!

Очнулся я от громких незнакомых голосов, звучащих над ухом. Не открывая глаз, прислушался. Хриплый голос со странным чирикающим акцентом яростно материл каких-то «южных придурков», у которых наблюдается «хроническое отсутствие мозга» и которые не видят, что «парень едва листья не начал считать», а они его будить собрались. На заднем плане слышались чьи-то сбивчивые оправдания сразу

тремя звонкими голосами, явно принадлежащими молодым парнишкам.

Интересно, кто это так горланит у меня под боком, мешая спать? Я приоткрыл глаза и тут же зажмурился от яркого света, испускаемого подвешенным прямо у меня над головой шаром. Дежавю. Я продолжаю спать?..

Очевидно, спорщики услышали сдавленный стон, так как мгновенно умолкли. Раздался шорох почти неслышных шагов, и на мой лоб легла узкая шероховатая ладонь, а хриплый голос поинтересовался:

— Ты как, парень?

В ответ я смог выдавить беззвучно-жалобное: «Пи-ить». В горле пересохло так, словно там открылся филиал пустыни, во рту был соленый вкус крови. Противно-то как...

Тут же вторая ладонь опустилась на мою спину, помогая немного приподняться и поддерживая, а к моим губам поднесли кружку с прохладной водой. Не открывая глаз, я начал жадно пить. Никогда не понимал словосочетания «живительная влага», но тут его смысл дошел до меня со всей ясностью. Холодная, чуть солоноватая вода буквально вернула меня к нормальной жизни. Ну, более-менее нормальной — все равно я чувствовал себя так, как будто меня пропустили через пресс... или я опять свалился в море с прогулочного катера. Меня тогда еле вытащили — я уже почти утонул, — а потом долго пытались привести в себя...

Разогнав усилием воли туман перед глазами и решив посмотреть-таки на своих благодетелей, я осторожно приоткрыл глаза и первым делом наткнулся взглядом на трех абсолютно одинаковых смуглых парнишек лет пятнадцати на вид, с черными волосами до плеч и карими глазами, стоящих возле моего лежака и пристально на меня глядящих. Одеты они были в одинаковые потрепанные серые штаны и рубашки, а на шее у всех троих красовались идентичные ошейники, такие же, как у меня, но без серебряных насечек.

Я моргнул. У меня что, уже троится в глазах? Но нет — глюки не желали рассеиваться, а троящийся парень упорно не хотел превращаться обратно в одного.

Ребята на мое нервное моргание синхронно растянули

губы в ехидных усмешках и дружно сели на пол, скрестив ноги.

— Дэни, — представился тот, что слева, весело мне подмигнув.

— Лэни, — важно кивнул сидящий посередине, состроив уморительно серьезную рожицу.

— Рэни. — А вот у этого и в глазах, и в каждом движении чувствовалась нехарактерная для его возраста печаль. Интересно, что с ним произошло?

Я перевел взгляд на того, кто до сих пор поддерживал меня, и вытаращил глаза. Ничего себе! А вот и местный представитель экзотической фауны...

Возле изголовья моего спального места стоял обшарпанный трехногий табурет, на котором сидел... эльф. Самый настоящий. По крайней мере, уши у него были длинными и острыми, задорно торчащими вверх, а их кончики забавно шевелились. Ну, точь-в-точь эльф с картинок! Точнее, ослик Иа — уши как раз подходят по длине.

В остальном же... Смуглая обветренная кожа, испещренная глубокими шрамами, самый крупный из которых начинался на левой скуле и, пересекая щеку и рассекая шею, исчезал за вырезом рубашки в районе правой ключицы. Вот это да... Как только ему трахею не перерезало?

Горло этого странного эльфа охватывал ошейник, но не черный, а серебристый. На голове вместо воспеваемой всеми авторами фэнтези густой золотистой шевелюры красовался коротенький ежик огненно-рыжих волос. Со скуластого и, буду говорить откровенно, довольно страшного лица на меня пристально глядели желтые глаза.

Мужчина был худым и жилистым, причем он сутулился. В общем, ни капли не похож на эльфа.

Губы остроухого растянулись в улыбку, обнажая пару великопных клыков. Небеса великие! Это что еще за вампир? Чур меня, чур...

Та-а-ак... Крестик с меня не сняли, хоть здесь повезло. Значит, защита от вампиров есть. Правда, он золотой, а не серебряный, но, думаю, этого будет достаточно.

Мужчина тихонько засмеялся, сверкнув клыками в свете

шара. Да-а-а... Не хотелось бы мне стать его обедом. Такими клыками разодрать шею — раз плюнуть.

— А ты много раньше эльфов видел? — ехидно поинтересовался клыкастик, отсмеявшись.

Все-таки эльф. Уф... Слава богу...

Стоп. Он что — тоже мысли читает?!

...! И ... на ...! В ... да ... к ...! Что же мне так не везет? Еще один телепат. Похоже, в этом мире они на каждом шагу.

Глаза эльфа мгновенно стали колючими и холодными — я даже вздрогнул от такой резкой перемены.

— В этом мире? А ты что, из другого мира? Как ты сюда попал? Отвечай! — Он с силой сжал мое плечо и так встряхнул, что у меня лязгнули зубы. Блин, да что же этот гад делает? Добить меня хочет, что ли? Так для этого ему не надо даже стараться, встряхнет еще разочек — и останется у него в руках моя дохлая тушка, пришедшая в такое состояние из-за болевого шока. Слышь, дядя, хватит меня трести-и-и-и!..

— Прости. — Ушастый отдернул руку и осторожно помог мне сесть и спустить ноги на пол. — Ты не ответил. Ты правда из другого мира?

Усевшись и подперев собой стену, к которой прислонялся мой лежак, я огляделся. Да-а, а вот тут мои представления о казарме — пусть даже и неправильные с точки зрения постройки классических казарм — оправдались на все сто. Длинное, метров сорок, здание было невероятно узким, метров шесть от силы. Вдоль стен, чередуясь, стояли узкие койки, на одной из которых я сейчас сидел, и шаткие трехногие табуреты. Также вместо четырех кроватей были обитые войлоком двери. Над каждой десятой койкой висел небольшой, но очень яркий шарик. Ну вот... никогда не мог заснуть при свете, а тут лампочка прямо у меня над головой. И не помняешься — остальные лежаки точно имели хозяев. На одном лежит чья-то рубашка, под другим стоит небольшой кувшинчик с замазанной глиной крышкой (заначка, не иначе), на табурете возле третьего стоит пустой стакан и лежит тоненькая книжка...

Однако... Хорошо же здесь живут рабы, если им позволяется и выпивку иметь, и книги читать. А если вспомнить, что мне говорили про тренировки — то наверняка им и оружие

выдают. Да-а-а... и как хозяйка справляется с дисциплиной? Впрочем, глупый вопрос — наверняка при помощи магии.

— Эй! — Меня легонько тронули за плечо. — Ты нам ответишь?

— Простите, задумался. — Я перевел взгляд на напряженно ждущих моего ответа близнецов и ушастого. — Да, я из другого мира. Причем совершенно не знаю, как сюда попал. Выдернули прямо из родного дома...

Ушастый сгорбился, словно из него разом выпустили весь воздух. В недоумении я посмотрел на парней и заметил обреченность в их взглядах.

— Значит, эта стерва получила, что хотела, — почти неслышно проговорил эльф.

— Это сейчас о ком говорится? — Я не понимал, в чем дело. — Кто что получил?

— Демона... — откликнулся один из близнецов. Да что с ними всеми такое? Сидят как на похоронах. И взгляды такие... жалостливо-настороженные. — Эта тварь сумела заполучить себе демона из иного мира.

— Так, стоп! — Я поерзал, пытаюсь как можно меньше прислоняться спиной к холодной стене, даром что деревянная. — Если вы сейчас говорите обо мне, то заявляю сразу: я не демон! У нас вообще нет магии, никакой, и в моем мире нет никого, кроме людей.

Ага. А еще я свободный. Был, по крайней мере, сегодня утром.

В глазах клыкастого эльфа разгорелась сумасшедшая надежда, а парни робко заулыбались.

— Так ты не демон? — переспросил один из пацанов. Он что, не расслышал все сразу?

— Сейчас как стукну больно! — рассердился я. — Я же сказал, что демонов в моем родном мире нет!

— Хвала Мертвому солнцу! — выдохнул рыжий, встал с табурета и, положив на сердце правую ладонь, слегка поклонился мне. — Человек, мое имя Эллисаан лиир Аторре. Можешь звать меня Элли.

— Э-э-э... Очень приятно, — неловко поклонился в ответ я, стараясь не отодвигаться далеко от стеночки. — Королев Мстислав Андреевич, можно просто Мистик.